

БИОГРАФИЯ ЭПОХИ

Дмитрий Выдрин

Восьмой дан
Владимира
Путина

Издательство АСТ
Москва

УДК 929:94(470)
ББК 63.3(2Рос)-8

*В книге использованы фотографии
из фондов ФГУП МИА «Россия сегодня».*

*Фотография на обложке
Кристина Кормилицына / РИА Новости
предоставлена ФГУП МИА «Россия сегодня»*

*В тексте упоминаются сервисы
Facebook и Instagram, принадлежащие компании Meta,
признанной экстремистской организацией, деятельность
которой на территории Российской Федерации запрещена.*

Выдрин, Дмитрий Игнатьевич

В92 Восьмой дан Владимира Путина / Дмитрий Выдрин. —
Москва: Издательство АСТ, 2024. — 256 с.: ил. — (Биография
эпохи).

ISBN 978-5-17-168455-6

Владимир Путин — человек, на протяжении долгих лет находящийся в центре внимания мировой аудитории, но вместе с тем остающийся во многом неразгаданным.

В своей книге Дмитрий Выдрин анализирует феномен президента России, объясняет секреты и причины его успешности, разбирает поведенческую и дискурсивную стилистику, а также реконструирует истоки яркой политической индивидуальности главы государства, причем все это преподносится в присущей автору метафорической и образной манере, что выделяет книгу среди аналогичных отечественных и зарубежных «путиноведческих» работ. Увлекательный текст как для людей, имеющих непосредственное отношение к политике, так и просто интересующихся ей.

УДК 929:94(470)
ББК 63.3(2Рос)-8

ISBN 978-5-17-168455-6

© Выдрин Д.И., текст, 2024
© ФГУП МИА «Россия сегодня», 2024
© «Издательство АСТ», 2024

Благодарности

Автор выражает глубочайшую признательность всем своим друзьям и коллегам, которые помогали советами, содействовали выходу в свет этой книги. Особый поклон моим рецензентам — их глубокие доброжелательные отзывы можно прочитать ниже вместе с именами и регалиями. Моя благодарность академику Александру Владимировичу Глузману за его мудрые советы; надежному соратнику Мокею Русинову; талантливому переводчику Анне Русиновой; творческой группе поддержки — АLINE Дзюбе, Мирославу Мудрицкому, Марии Цариной. Моя писательская благодарность председателю Союза художников Севастополя Владимиру Ольхову. И, конечно, спасибо герою моего исследования, чей незаурядный внутренний мир подвиг меня на эту непростую работу.

Вместо предисловия

Мне повезло: когда я начал собирать материалы и идеи для этой книги, я жил довольно далеко от России. Не испытывал ее политического, а тем более финансового влияния и мог позволить себе редкую привилегию взгляда со стороны.

Поэтому, планируя книгу о Владимире Путине, а потом и работая над ней, я не испытывал не только понукания, но даже какого-либо нашептывания внутреннего цензора. Меня интриговали не должность героя, не его мыслимые или немислимые статусы (явные мифические возможности сурово покарать или царски наградить). Меня интриговало другое: почему именно этот человек без явной харизматики, со скромной родословной, жестко не вписанный в уже сложившиеся столичные кланы и так далее, и тому подобно вдруг стал сначала как бы номинальным, а потом непреодолимо реальным лидером такой необычной страны, как Россия? Вот эта тайна интриговала больше, чем все статусы и должности героя вместе взятые.

При этом я отдаю себе отчет, что тема «Лидер и Россия» невероятно сложна, запутанна и беспрецедентна. Всем известно из классики, что «поэт в России — больше, чем поэт». Но не всем известно, что в России лидер (как бы он ни звался: «царь», «генсек», «президент») — больше, чем ли-

дер. Почему так получается? Может, из-за огромной территории, а может — из-за особой истории. Но факт есть факт. Возможно, Владимир Путин предполагал, что ему придется стать больше, чем президентом. Намного больше. Но он как-то с этим смирился, сжился, даже свыкся с тем, что масштабы его личности в последние годы далеко выходят за пределы его президентских полномочий.

Наверное, сначала ему льстили и нереально высокий рейтинг, и нереальная стабильность этого рейтинга, и зависть одних, и ненависть других, постоянное ощущение мелочности и даже ничтожности друзей и врагов. Потом, скорее всего, он начал к этой ситуации относиться с привычной и хорошо скрытой иронией.

Кстати, сейчас появились целые исследования по поводу эволюции чувства иронии Владимира Путина. Все цитируют его шутки и анекдоты типа «Россия не бабушка», «Трамп не невеста» и ищут истоки и мотивы этих иронизмов. Но как раз здесь все довольно просто: ирония — это часть технологии и способа выживания разведчика. Их обучение поэтому невозможно без неких иронических матриц.

Возможно, он вспоминает годы своего обучения, когда инструктора объясняли, чем реальный разведчик отличается от «болвана». «Болван» всегда все делает по инструкции, постоянно озирается на все отражающие плоскости, чтобы выявить «наружку», через каждые пять метров завязывает шнурки, чтобы незаметно «провериться».

Точно так же, как сегодня поступают почти все руководители стран мира, которые постоянно озираются на отражения демократических ценностей и бесконечно перешнуровывают тесемки своих принципов. А подлинные разведчики ведут себя — «живут как дышат» — ровно, естественно, без инструкции, формальностей и напряжения. Путин живет как разведчик и, наверное, тяготится, но не без иронии, что вокруг одни «болваны»... Наверное, так получи-

лось. Впрочем, я увлекся, и мы поговорим об этом подробнее во второй главе.

Итак, Путин за годы правления, несмотря на свою физическую миниатюрность, настолько «разросся» за пределы своей формальной должности, что заполнил собой громады окружающих пространств. Поэтому одни (даже в дальних уголках планеты) ждут его как мессию, а другим он кажется вездесущим кошмаром.

Короче, он из персоны превратился, как я уже сказал, в тайну, из человека — в загадку. Десятки — а может, и сотни — мировых лидеров, финансовых воротил, корифеев искусства из дружественного и из явно враждебного лагерей хотели бы с ним пообщаться вживую, удостовериться, что это личность, а не фейк и легенда; что состоит он из плоти, а не из пикселей; что он персонаж не только виртуала, но и конкретного реала. Для таких вот людей я и попробовал написать этот текст, который, возможно, поможет им лучше понять российского лидера и при личной встрече не выглядеть явными «болванами».

Не претендуя на полное погружение в тайну личности Путина, я хотел бы лишь посоветовать несколько способов, приемов, которые позволяют поглубже проникнуть в тайну любой личности, тем более такой неординарной и даже уникальной. Сразу обозначу, какие способы я считаю оптимальными с точки зрения экономии интеллектуальных усилий при раскодировании, расшифровке и распределении личности Путина.

Эти советы предназначены прежде всего для тех, кто не читает дальше книжного предисловия. А для других будет дальнейший текст (точнее, иллюстрации и даже некие «фэнтези» в тему). Но это для терпеливых и проницательных читателей. А для первых я дам совет: хотите понять личность — найдите близкую к ней метафору. Поэтому в рамках предисловия я подскажу, как можно было бы поиграть с метафорическим рядом Владимира Путина.

ПУТИН КАК МЕТАФОРА

Основные направления метафорического поиска

Метафора мессии — «врач катастроф»

Много лет назад я опубликовал пространную статью под названием «Чего не должен делать президент». После я опубликовал десятки и даже сотни статей, в которых пытался в виде советов, пожеланий, даже фантазий подсказать, что должны делать те или иные президенты. Но вот странное дело: первая из названных мной статей цитировалась, упоминалась, перепечатывалась многократно, вторые — на порядок реже.

Я как-то задумался о причинах такого дисбаланса и пришел к выводу, что первая моя статья была основана на сумбурной, грубой, но реальной жизни. А последующие часто чрезмерно изошренны, местами, возможно, изысканны, но излишне софистичны и назидательны.

Поэтому вспомню именно жизненный совет. Он прозвучал из уст моего хорошо пьющего соседа — опытного врача катастроф и реаниматолога. Я как-то в начале далеких 90-х попытался отвлечь его от застолья совместным походом на очередной городской митинг, где чуть ли не решалась судьба страны. Он с пьяной категоричностью отказался, а потом вдруг абсолютно трезво мне объяснил, в чем отличие врача катастроф от простого человека.

«Во время землетрясения, урагана, цунами простые люди мечутся внутри какого-то пространства, а врач катастроф неподвижно стоит сам в безопасном месте (в помещении — это обычно под дверным проемом). Начинает рушиться потолок, падают балки, кого-то придавливает, кто-то кричит, а врач стоит — и стоит незыблемо. Пото-

му что он знает, что именно он потом будет спасать и вытаскивать людей, перевязывать их и накладывать шины. Соответственно, что главное для такого врача? Избежать искушения метаться и двигаться в общем ритме. Это очень непросто, поскольку связано с обузданием всех человеческих инстинктов, криков души и непроизвольных движений. Но это возможно, если ты помнишь, что ты последний, кто будет всех спасать».

Тогда я вжился в эту тему, стал соизмерять стереотипы поведения врача катастроф и политического лидера. Помнится, пришел к следующему выводу: врача катастроф могут обвинить в бездеятельности за то, что он не мечется среди обезумевшей толпы с пузырьком зеленки и ваткой. Но, видимо, имеются какие-то мотивы и стимулы, которые дают ему силы и возможность сдерживаться до времени, когда придется применять жгуты и гипс. Также подлинный лидер, особенно в эпоху катастроф, не суетится в хаосе, пока не поймет, где и как он будет востребован.

Долгое время мне казалось, что в нашем мире таких лидеров нет и не предвидится. Поэтому я соглашался с многочисленными гипотезами — и о том, что закончилась история, и о том, что в мире уже нет лидеров. Хотя, по сути, это одно и то же: историю делают лидеры, и без них она пуста до бессмысленности. (В 90-е годы мне пришлось несколько раз встречаться с известным автором по этой теме — Фрэнсисом Фукуямой¹. Говорили как раз о том, что без лидеров в мире некому двигать историю.)

Но тут как-то незаметно, ненавязчиво, по-специально вежливо и вкрадчиво в историю просочился Путин... По факту, он стал (скорее вынужденно, чем обду-

¹ Фрэнсис Фукуяма — американский философ, политолог, политический экономист и писатель японского происхождения. Старший научный сотрудник Центра по вопросам демократии, развития и верховенства права в Стэнфорде.

манно, но об этом ниже) первым в мире лидером «эпохи катастроф».

Даже визуально очевидно, что он вмонтирован в само время, и поэтому время вокруг него кажется застывшим.

Он внешне расслаблен, так как заранее не знает, сколько ему нужно сэкономить энергии для ответа на вызовы будущего.

Он бесстрашен до бездействия.

Он эпатажно апатичен, поскольку внутренняя концентрация похожа внешне на безразличие.

Броскими, заметными, энергичными выглядят всегда спасатели, а спасители незаметны, тихи и недеятельны. Пока «стоят в проеме».

Те, кто снаружи, — слышат крики друг друга, тот, кто «в проеме», — слушает время. «Стоящие в проеме» — как отрешенные от всех и всего акустики на подводной лодке. Ничто не должно отвлекать их и разрушать внутреннюю концентрацию. Они слушают!

Еще не помышляя о большом системном тексте, я — скорее механистически, чем логистически — отмечал его манеру поведения на любых встречах (на некоторых мне пришлось присутствовать лично, другие — наблюдать по медиа). Это было более десяти лет назад, но уже тогда меня интриговала его манера именно не говорить, а слушать, причем неважно было, с кем проводится встреча — с академиками или с аспирантами, — поскольку последних он слушал с таким же вниманием, как и первых. Даже на тех встречах он оставался как бы «в проеме». Он застывал и концентрировался, как бы готовясь к броску, а когда возникали какие-либо глобальные завихрения политического, геополитического, социального характера, его напряженная неподвижность становилась особенно выразительной и внушительной для понимающих и посвященных...

Размышляя в таком русле во время любых массовых акций-демонстраций, шествий, митингов и прочих майда-

нов в разных странах, я всегда инстинктивно искал дверной проем. И я всегда инстинктивно искал лидеров, которые способны на напряженное надеяние. И не находил.

Все участники ситуации, когда социум вовлечен в какое-то бурное деяние, истово исполняют волю толпы и требуют такой же истовости от друзей, соседей и тем более своих лидеров. И лидеры всегда отвлекаются на призыв общества — а, точнее говоря, охлоса.

Профессия подарила мне возможность общаться со многими лидерами из разных стран, тем более видеть и наблюдать их со стороны в прямом и виртуальном форматах. Но, повторюсь, пока только один из мировых лидеров удивил и удивляет меня спокойной и абсолютной готовностью к надеянию даже тогда, когда все — абсолютно все — требуют от него какой-то активности и моторности. Это Путин.

Мое сильное подозрение, что именно это качество сделало его фантастически популярным и для друзей, и для врагов, и для соратников, и для оппонентов.

Надо иметь совершенно необыкновенное сочетание личностных качеств, чтобы:

а) уметь выходить почти сухим из общего потока жизни, которая несет всех окружающих;

б) исчезать со сцены, на которую пристально смотрит весь мир;

в) молчать в трубку, на другом конце которой миллиарды ушей.

Актер, который держит на сцене паузу длительно-стью в минуту, — это великий актер. Лидер, который в самый шквал событий может взять паузу на неделю, — это... даже не знаю, как назвать. Может быть, только подспудным ощущением себя врачом катастроф, который будет спасать всех остальных.

Я знал много лидеров, вокруг которых все бурлит, клоочет, завихляется. Путин как око тайфуна, как клочок штормового моря, куда китобои вылили бочки с кито-

вым жиром, чтобы на мгновение успокоить море и сесть на шлюпки.

Не знаю, когда, как и каким образом он понял, что человек, наделенный властью, а тем более огромной властью, всегда своими действиями наносит вред и себе, и другим больше, чем своими недействиями.

Но он овладел этим искусством сам и незримо подталкивает к этому других. Он постоянно измеряет и изменяет социальную гравитацию вокруг себя, хотя бы частично замораживает неумные движения всех желающих услужить власти.

Это очень необычно, и, следовательно, рождаются слухи о его «великих загадках», о его «хитрых планах» и о прочих тайнах его характера, души и предназначения. Хотя вряд ли он тайный буддист, постигший плодотворность недеяния. Скорее, он интуитивный снайпер, который знает, что в бою неподвижность одиночки более смертоносна, чем самое стремительное движение целого отряда... Впрочем, это уже философия. Но тайна остается.

Когда-то я участвовал в организации встречи тогда еще премьера Путина с очередным украинским премьером. Путин стоял, молчал, кивал головой. Его коллега шумно двигался, убеждал, красноречиво рассказывал. Рядом со мной одна украинская журналистка тихо сказала: «Встретились две подводные лодки. Наша, вроде бы, подняла перископ, а оказалось, что она всплыла сама, а их, вроде бы, всплыла вся, а оказалось, что это только перископ»...

На одном из валдайских форумов, который проходил прямо на президентской даче, перед нами выступал сам гостеприимный хозяин. Прямо перед его выступлением на сцену вышел начальник охраны и сказал, что тут, мол, все по-свойски и поэтому можно не выключать мобильные телефоны (как обычно на встречах с другими мировыми лидерами), и если кто захочет во время выступления выйти в буфет или в туалет, то без проблем.

Но никто почему-то не вышел, и ничьи телефоны почему-то не звонили — может, участники понимали, с кем пришли на встречу... Он просто «врач катастроф» или единственный пока на земле «лидер катастроф». Он уже слышит гул предстоящих потрясений, он всегда «стоит в проеме», он собирает силы, чтобы потом вытаскивать мир из-под обломков. А пока еще тренируется слушать время — для отдаления неизбежного и подготовки к будущим потрясениям.

Метафора возможностей — «ванский кот»

Когда-то я занимался интересной — или, правильнее сказать, экзотичной — задачей. Благодаря раннему Паустовскому я был заинтригован Турцией, а точнее — турецким образом жизни, ментальностью, своеобразием национального характера, фантомными болями по отсеченным пространствам Османской империи.

Меня еще в студенчестве заворожил один образ из его короткого рассказа. О том, как турецкие рыбаки в короткие и ветреные зимние дни сидят на берегу моря за чашечкой кофе и по очертаниям и расцветке облаков предугадывают будущие уловы, погоду, саму жизнь.

Я потом много ездил по Турции, жил в этой необъятной стране и все искал забытую рыбацкую деревушку, где живут отстраненно, углубленно и бесконечно — как дервиши, а не как шумливые, суетливые зазывалы дешевых забегаловок. Деревеньку я, конечно, не нашел, но наткнулся на загадку, интригу явной двойственности турецкой души. Как политолог по профессии я явно почувствовал эту сумрачную двойственность в душе почти уже вечного лидера Турции Реджепа Эрдогана.

У меня даже возникла идея написать эссе об этом необычном для «европейского образования» лидере. Естественно, я начал искать метафору, которая позволила бы мне

побыстрее, поглубже заглянуть в его непростую личность. Я встречался с людьми, которые знали его в разные периоды жизни, беседовал с его сотрудниками, читал о нем в провластной и в оппозиционной прессе, но подсказки не находил.

Как всегда случайно, подсказку мне дали совершенно посторонние люди — мои хорошие знакомые бизнесмены. Оба были из одного турецкого города — одного возраста, социального и имущественного статуса. Различие было только единственное. У первого вторым рабочим языком был немецкий, поскольку он оканчивал вуз и какое-то время работал в Германии. У второго — русский, и образование он получил, соответственно, в русском вузе и работал какое-то время здесь.

Так вот, с тем и с другим я попадался полиции на легком дорожном нарушении — превышении скорости. Модель поведения у них была совершенно противоположная. «Немецкий» турок при приближении полицейского бледнел, впадал в ступор, а потом дрожащим голосом извинялся и каялся перед офицером. «Русский» турок, наоборот, краснел, оживлялся и громовым голосом обещал с офицера сорвать погоны за то, что он посмел остановить серьезного и уважаемого эфенди. После этого случая я понял, где искать нужную метафору, и нашел ее на далеком и загадочном озере Ван¹...

Там османский менталитет тектонически впечатался в менталитет армянский. Там когда-то столкнулись фундаментальные принципы мусульманства и православия. Там жили предки тех, кто сегодня создает архитектуру диалога всего Закавказья со всей Россией. И там, в кристально чистой воде, водится нежнейшая ванская форель. Ее виртуозно ловят уникальные ванские коты — они прыгают со скал

¹ Ван — соленое озеро, расположенное в восточной части современной Турции на Армянском нагорье.